

Citation

Zadorozhnyuk E. G. N. S. Leskov, Czechs and the Slavic world // Slavic Almanac. 2022. № 3–4. P. 356–380 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.02

Received: 20.02.2022.

Abstract

The article provides an outline of views and opinions of N. S. Leskov about the Eastern, Western, and Southern Slavs, especially the Czechs. An overview of the whole oeuvre of Leskov allows to show why he considered the Czechs bearers of the pan-Slavic principles. Especially highlighted are texts devoted exclusively to Czech issues: the section “The Czechs of Paris” in Leskov’s essay letters “The Russian Society in Paris” and the story “The Alexandrite”. Letters and memoirs about his stay in the Czech lands and acquaintance with the Czechs in 1862, 1875 and 1884 are also considered. It is noted that intensive publishing of Leskov’s works and studies dedicated to their interpretation started only in the 1920–1930s. Despite Leskov’s sympathy for the Czechs, his works remained undervalued; this prompts us to return to the writer’s interest in the mentality of the West Slavic people, who have always aroused deep interest in the East Slavic neighbour. Leskov’s balanced assessments of the work of Czech writers, in particular B. Němcová and J. Frič, are characterized.

Keywords

N. S. Leskov, Slavic world, mentality, East Slavic peoples, southern Slavs, Czechs, Polish emigration, artistic techniques, Slavic reciprocity.

УДК 9 (94)

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.03

Т. Р. Семакина

**Непонятая литература, подозрительные пьесы
и всемогущая цензура: к вопросу об идеологических
противоречиях в польско-советских культурных
контактах на рубеже 1920–1930-х гг.**

Семакина Татьяна Рудольфовна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

E-mail: semakinaaa@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8200-021X

Цитирование:

Семакина Т. Р. Непонятая литература, подозрительные пьесы и всемогущая цензура: к вопросу об идеологических противоречиях в польско-советских культурных контактах на рубеже 1920–1930-х гг. // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 381–393. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.03

Статья поступила в редакцию 01.07.2022.

Аннотация

В межвоенный период в межгосударственных отношениях возросла роль политики мягкой силы, предусматривающей расширение культурного влияния и пропаганду культурных достижений за границей. В СССР в рамках данной политики в 1925 г. было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Незадолго до того получившее независимость польское государство входило в число стран, с которыми требовалось расширять культурные контакты, однако существовало множество факторов, мешавших развитию этого процесса. В частности, между стремящимся к коммунизму Советским Союзом, где в 1930-е гг. активно развивался социалистический реализм как новый метод в культуре и искусстве, и санационной второй Речью Посполитой, где были довольно сильны антисоветские настроения, не могло не возникнуть определенных идеологических противоречий. Они проявлялись практически во всех сферах культурного сотрудничества: в области кинематографа, театрального искусства, литературы и т. д. Несмотря на все

усилия ВОКС, многие из них так и остались неразрешенными. В данной статье на материале архивных и публицистических источников рассматривается вопрос о роли идеологических разногласий в развитии двусторонних польско-советских контактов в сфере культуры на рубеже 1920–1930-х гг.

Ключевые слова

Польско-советские отношения, культурные контакты, ВОКС, культурная дипломатия, политика мягкой силы.

В 1927 г. читатели СССР получили возможность взглянуть на Польшу и ее столицу глазами живого классика советской литературы Владимира Маяковского, первого советского поэта, посетившего Вторую Речь Посполитую. Польша, в которой только-только складывался санационный режим Юзефа Пилсудского, сразу погрузила Маяковского в атмосферу всеобщего недоверия и подозрительности. Поэт, чутко улавливавший тончайшие нюансы действительности, точно подметил поворот страны к военной диктатуре, повышение роли армии в общественно-политической жизни. Маяковский, в свое время написавший хлесткое обличительное стихотворение «Пилсудский»¹, увидел в происходящем в Польше угрозу для своей родины, о чем тут же счел нужным предупредить своих сограждан:

А мы, товарищ? Какого рожна
глазем с прохладцей с этакой?
До самых зубов вооружена
у нас под боком соседка...²

Мы не случайно начали статью с этого примера: он, учитывая популярность Маяковского в СССР, дает представление о воздействии творцов культуры на зрителей, читателей, слушателей. Особенно тех творцов, кто побывал за границей, своими глазами увидел и рассказал языком своего вида искусства о том, чего не дано было увидеть большинству их сограждан из-за закрытости границ Советского Союза. Причем это в равной мере было характерно для жителей и Польши, и Страны Советов.

¹ *Маяковский В. В.* Пилсудский // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М., 1957. Т. 5. С. 122.

² *Маяковский В. В.* Польша // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М., 1958. Т. 8. С. 346.

Завершение советско-польской войны не привело к складыванию добрососедской атмосферы в сфере политических контактов между двумя государствами. Не оправдались надежды Кремля на улучшение отношений, связывавшиеся с визитом в Варшаву в 1925 г. главы НКВД СССР Г. В. Чичерина, так и не был подписан предусмотренный мирным трактатом торговый договор, Варшава не торопилась заключать предложенный СССР пакт о ненападении. Тяжелым испытанием для двусторонних отношений стало убийство в июне 1927 г. полпреда СССР в Варшаве П. Л. Войкова, совершенное 19-летним Б. Ковердой. Все это едва ли могло способствовать созданию положительного имиджа польского государства в СССР. В свою очередь, публикации в польской прессе о жизни в Советском Союзе и его «империалистической политике» в отношении соседей, в том числе Польши, представлявшие собой смесь правды, полуправды и лжи, также формировали у поляков искаженное представление о советской действительности³.

Советское руководство, имевшее богатый опыт революционной пропаганды, в том числе и зарубежной, после спада революционной волны в Европе пришло к выводу, что СССР вступает в эпоху длительного сосуществования с капиталистическим окружением. И теперь его пропагандистским оружием должны были стать не призывы к пролетарской революции, а формирование у общественности зарубежных стран положительного образа Советского Союза. В связи с этим, оставив задачу пропаганды социалистической революции Коминтерну, Кремль взял на вооружение политику «мягкой силы», сутью которой было ознакомление зарубежной общественности с культурной сферой жизни советских людей и формирование у нее симпатий к СССР. Именно для этих целей в 1925 г. было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), перед сотрудниками которого ставилась задача расширять советское культурное влияние в странах Запада и формировать благоприятное отношение к СССР, прежде всего среди интеллигенции. Безусловно, среди стран, в которых следовало активизировать эту деятельность, была и Польша.

Но было ли это стремление к укреплению культурных связей взаимным? Польские политические элиты, планомерно утверждавшие собственную позицию в обществе с помощью пропаганды, цензуры, развития широкой сети патриотических общественных организаций,

³ Подробнее о состоянии польско-советских политических отношений в межвоенный период см.: *Rak K.* Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021; Польша в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012.

не могли, да и не пытались избавляться от старого, глубоко укоренившегося в сознании поляков антирусского синдрома. XX век дополнил его антисоветизмом. В результате сфера культуры испытала на себе сильное влияние политики. Именно она явилась самым ярким и самым четким отражением взаимного непонимания, неприятия, разногласий и, в конце концов, противоположных по своей сути целей режимов, которые и развели их по разные стороны политической, идеологической и культурной границы.

В данной статье на материале архивных и публицистических источников сделана попытка проанализировать воздействие идеологических противоречий на состояние культурных контактов Польши и Советского Союза на рубеже 1920–1930-х гг.

В этот период в культуре СССР происходил фундаментальный процесс выработки нового метода в литературе и искусстве, получившего впоследствии название социалистического реализма. Этот метод представлял собой эстетическое выражение социалистически осознанной концепции мира и человека, обусловленной эпохой борьбы за установление и созидание социалистического общества. Польский зритель мог познакомиться с лучшими, по мнению советских функционеров, образцами нового искусства: в 1930 г. в прокате шел «Турксиб» В. Турина, в 1931 г. в полпредстве СССР в Варшаве показывали «Старое и новое» С. Эйзенштейна и «Обломок империи» Ф. Эрмлера. Эти фильмы воспринимались как пропагандистский продукт, а их сюжеты не находили особенного отклика у польской публики, в отличие от технической стороны, о которой положительно высказывались даже авторитетные «Вядомосьци литерацке»⁴. Изображение незнакомых социалистических реалий вызывало интерес и будоражило воображение, но вместе с тем казалось чем-то бесконечно чуждым сознанию поляков, еще хранящих воспоминания о старорежимных имперских временах.

Впрочем, даже само руководство Второй Речи Посполитой не особенно разделяло интенции функционеров ВОКС: по многочисленным архивным свидетельствам можно сделать вывод о серьезной цензуре, которой подвергались советские кинокартины в Польше. Кассово успешный «Броненосец “Потемкин”» С. Эйзенштейна оказался беспощадно порезан на этапе цензуры⁵, и даже в далеких от политики

4 *Zahorska S.* “Turksib” // *Wiadomości Literackie*. 01.06.1930. № 22.

5 Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 188. Оп. 7. Д. 28. Л. 40. Письмо 1-го секретаря полпредства СССР в Польше М. П. Аркадьева в ВОКС 18.01.1927.

картинах цензоры охотно выискивали способную, как им казалось, встревожить общественное сознание большевистскую пропаганду. Так случилось, например, с хроникой, закупленной агентством «Полония-фильм», в которой были сняты в основном усадьбы и природные явления⁶. Пресса тоже угодливо вносила свою лепту в цензурную политику и с удовольствием рисовала образ насквозь агитационного советского киноискусства⁷.

В конце концов в ВОКС были вынуждены сделать не внушающие особого оптимизма выводы: «Систематически практикуемое польской цензурой выхолащивание и извращение картин советской продукции вводит в заблуждение заграничную общественность и приносит этим большой политический вред, который вряд ли может быть оправдан теми незначительными выгодами, которые мы имеем от продажи 2–3 картин на польском рынке»⁸. Последовательное стремление оградить поляков от социалистического влияния, сознательная перестановка акцентов вплоть до изменения авторского замысла на прямо противоположный и всяческое подчеркивание агитационного характера советского киноискусства, пожалуй, довольно ярко иллюстрируют боязнь польских политических элит потерять господство над умами своих граждан, что было тем более актуально в условиях складывавшегося авторитарного режима Ю. Пилсудского.

Если же говорить о советской стороне, то контакты в области кинематографа оставались односторонними на протяжении всего межвоенного периода⁹. Аудиовизуальный контент, предлагаемый к импорту польской индустрией развлечений, по мнению ВОКС, совершенно не подходил для нового поколения советских зрителей, взращиваемых на массовом искусстве соцреализма¹⁰. Причина все та же – глубокий конфликт идеологий.

6 АВП РФ. Ф. 188. Оп. 8. Д. 11. Л. 20. Письмо и. о. торгового представителя Копылова в Полномочное представительство СССР в Польше 02.04.1928.

7 См., например: *Tonecki Z.* Film sowiecki // *Wiadomości Literackie*. 07.09.1930. № 36.

8 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 174. Л. 26. Письмо зав. сектором ВОКС Райвида 14.06.1931.

9 См.: *Falkowicz S., Czernych M.* Polsko-radziecka współpraca kulturalna i naukowa w okresie międzywojennym // *Dzieje najnowsze*. 1970. № 2. S. 119.

10 ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 174. Л. 39. Из личного дневника уполномоченного ВОКС в Польше М. В. Юшкевича 01.04.1931.

Кино – не исключение, а лишь частное проявление общей тенденции, дававшей о себе знать и в других областях культуры. Театральное искусство не в меньшей степени подвергалось идеологическому давлению, а потому договариваться о каком-либо сотрудничестве в этой сфере оказалось делом весьма затруднительным. Социальная функция театра понималась по разные стороны советско-польской границы по-разному. Если во Второй Речи Посполитой в обществе еще сохранилось классическое представление о драматургии как эмоциональном осмыслении творцом действительности, то в Стране Советов театральные подмостки стали ареной транслирования линии партии. Все это, как и в случае с кинематографом, тонко подмечала польская пресса, в которой, по свидетельству сотрудников ВОКС, нередко появлялись нелестные критические заметки о советском театре¹¹.

Польские элиты определенно предпочитали театральное наследие Российской империи – оно не несло в себе такой угрозы, да и самого этого государства уже не существовало на карте мира, так что его пропаганды можно было не бояться. Пьесы А. П. Чехова, А. Н. Островского и других классиков продолжали радовать польскую публику и в 1920-е, и в 1930-е гг. Развитие же социалистического театра, хоть и вызывавшее неподдельный интерес, все-таки рождало некоторые опасения и все сильнее укреплявшееся с годами чувство тревоги. Из статей, публиковавшихся на страницах популярных газет и журналов, польский зритель узнавал, что театр в СССР принимает непосредственное и активное участие в большевистской агитации масс, художественная цель его состоит исключительно в побуждении политической активности, а все это, вместе взятое, крайне отрицательно влияет на уровень постановок¹². Показательной в этом отношении является, например, точка зрения известного публициста Антония Слонимского¹³, писавшего прямо во время своего путешествия по Стране Советов: «Пьесы современных авторов отличаются примитивизмом и докучают постоянным прославлением советского режима»¹⁴.

11 ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 133. Хроника культурной связи с Польшей за первое полугодие 1931 г.

12 См., например: *Tonecki Z. Teatr Meyerholda // Wiadomości Literackie*. 13.03.1932. № 11.

13 Слонимский Антоний (1895–1976) – польский поэт, драматург, литературный критик.

14 *Słonimski A. Moja podróż do Rosji. Sztuka // Wiadomości Literackie*. 17.07.1932. № 30.

Тщетно мечтало ВОКС о продвижении новых, написанных уже в Советской России, сценариев на польские сцены – в основном такие произведения были востребованы у владельцев небольших частных театров (например, Еврейского театра в Варшаве и др.), сочувствовавших советской власти. «Сложно найти хоть один театр, который хотя бы относительно был бы нам социально близок», – с грустью констатировал уполномоченный ВОКС в Польше¹⁵. Исходя из этих же соображений Польшу не стали приглашать на Международную театральную олимпиаду в Москву в 1932 г. Таким образом, если польская публика могла пусть частично, отрывочно, но все же узнавать о театральной жизни в соседнем государстве, то советский зритель был практически лишен такой возможности, тщательно оберегаемый собственной властью от деструктивных «буржуазных» веяний с Запада, а тем более из «фашистской» Речи Посполитой, где поднимал свою голову польский национализм, вольготно чувствовавший себя в условиях объявленной Пилсудским санации.

Наиболее политизированной отраслью культурной деятельности стала литература. Советские произведения социалистического реализма показывали новую реальность в исключительно положительном ключе, приукрашивали ее, делая в разы привлекательнее, чем она была на самом деле. Набор тем и сюжетов тоже претерпел серьезные изменения: на первый план стали выходить проблемы государственного строительства, борьбы с антисоветчиками, устройства нового быта и поиска героем своего места в этом рождающемся на глазах обществе. Все это, разумеется, представляло довольно малую привлекательность для идеологов Второй Речи Посполитой. Эти факторы обуславливали не слишком активное сотрудничество двух государств в области литературы. Если русская классическая литература стабильно переводилась и покупалась в Польше, то о литературе социалистической вряд ли можно было сказать то же самое – она пользовалась далеко не такой большой популярностью у польских импортеров. Более того, сотрудники ВОКС с горечью отмечали разворачивавшиеся в прессе антисоветские кампании, когда в ряде статей литературная жизнь в СССР преподносилась в крайне негативном ключе¹⁶.

15 ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 146. Письмо уполномоченного ВОКС в Польше Б. Николаева в правление ВОКС 28.06.1932.

16 См., например: ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 133. Хроника культурной связи с Польшей...

В самом Советском Союзе польская литература и польская пресса не вызывали особенного интереса. Что касается периодических изданий, советская цензура не считала возможным распространение в стране многих польских журналов как представлявших идеологическую опасность, и это касалось изданий не только общественно-политических, но и освещавших вопросы культуры. Среди польских писателей преимущественно выделялись близкие по идеологическим взглядам авторы, например живший в СССР Бруно Ясенский¹⁷, написавший знаменитую «Галицийскую жакерию» и «Я жгу Париж». Именно Ясенский оказался единственным поляком на Международном съезде пролетарских писателей, проходившем в 1930 г. в Харькове. Изначально организаторами предполагалось присутствие польской делегации, возглавлять ее должен был также сочувствующий СССР Владислав Броневский¹⁸, однако по политическим причинам осуществить приезд поляков не удалось, в чем Ясенский не преминул обвинить «польский фашизм». Статья в газете «Вядомосьци литератке», посвященная съезду, опять-таки рисовала читателям образ грозного социалистического государства, в котором писатели собирались на съезд, подгоняемые страхом увольнения с работы и давлением со стороны властей, а вовсе не искренним творческим порывом¹⁹.

Серьезные обвинения в адрес советской цензуры выдвигал и автор обличительной «Мысли в клещах», видный представитель виленских консерваторов Станислав Цат-Мацкевич²⁰. Он видел глубокий трагизм в том, что в огромной стране сознание ее многомиллионного населения насильно загоняется в рамки коммунистических категорий и представлений, так что учение К. Маркса и В. И. Ленина становится единственным мериллом добра и зла. Резкие выпады посетившего СССР в 1931 г. Цата-Мацкевича в адрес искусства соцреализма (чего только стоит его определение пролетарской литературы

17 Ясенский Бруно (Зисман Виктор, 1901–1938) – польский и советский писатель, поэт, драматург, с 1934 г. член правления Союза писателей СССР.

18 Броневский Владислав (1897–1962) – польский поэт, переводчик и редактор. Один из авторов поэтического бюллетеня «Три залпа» 1925 г., ставшего манифестом революционной поэзии.

19 *Baryka P.* Międzynarodowy zjazd pisarzy proletariackich // *Wiadomości Literackie*. 14.12.1930. № 50.

20 Цат-Мацкевич Станислав (1896–1966) – польский писатель и публицист, редактор консервативной виленской газеты «Слово», премьер-министр правительства в изгнании в 1954–1955 гг.

как «примитивных текстов, которые полуграмотные накарябали каракулями на бумаге»²¹) явились отражением точки зрения определенной части польского общества, с которой советским функционерам тоже приходилось считаться.

Пожалуй, единственной сферой культурного сотрудничества, в которой идеологический гнет ощущался слабее, чем где-либо, на протяжении всего межвоенного двадцатилетия оставалась академическая музыка. Музыкальные контакты Польши и СССР традиционно были богатыми, о чем свидетельствовали постоянные гастроли советских музыкантов в Польше и польских – в Советском Союзе, обмен изданиями нот, участие в музыкальных конкурсах и т. д. Но даже здесь не обошлось без скандальных эпизодов и взаимных обвинений, уходивших корнями в неразрешимое идеологическое противостояние. Так, Второй конкурс пианистов им. Шопена, прошедший в 1932 г. в Варшаве, стал настоящей ареной идеологической борьбы: сотрудники ВОКС из всех сил стремились доказать польской общественности, что исполнительское искусство развивается в СССР даже успешнее, чем в Российской империи. Любая неудача закономерно объяснялась «антисоветским» жюри и критиками, способными пойти на любую подлость, лишь бы дискредитировать советских конкурсантов²².

Гастроли польских музыкантов в Советском Союзе, в отличие от советских гастролей во Второй Речи Посполитой, зачастую, несмотря на относительно теплый прием публики, еще сильнее обнажали идеологический раскол между двумя соседними странами. Скандальным оказалось, например, интервью А. Венявского²³, данное им нескольким польским газетам по возвращении из СССР, в котором советская действительность изображалась в негативном ключе²⁴. В ВОКС интервью

21 *Цат-Мацкевич С.* Мысль в клещах // *Цат-Мацкевич С.* Польская катастрофа 1939 года и ее причины. М., 2019. С. 204.

22 См., например: ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 193. Отчет уполномоченного ВОКС в Польше М. В. Юшкевича о Втором конкурсе им. Шопена 25.04.1932.

23 Венявский Адам Тадеуш (1876–1950) – польский композитор, музыкальный педагог и организатор. С 1928 г. руководитель Варшавского музыкального общества и Высшей школы музыки им. Ф. Шопена, с 1932 г. председатель Союза польских композиторов. Активно сотрудничал с ВОКС в 1930-е гг.

24 ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 174. Л. 2. Письмо уполномоченного ВОКС в Польше М. В. Юшкевича в правление ВОКС по вопросу обмена лауреатами, январь 1931 г.

сочли вопиющим проявлением антибольшевизма, даже не став прислушиваться к оправданиям самого Венявского, ссылавшегося на искажение его слов журналистами. Такого рода высказывания, по мнению слушателей советской пропаганды, сводили на нет весь вклад гастролей в дело развития культурного сотрудничества.

Впрочем, примечательно и то, что хотя в Москве и с теплотой принимали польских артистов, но все же не обходилось без некоторой доли лицемерия. Заблаговременно проводилась соответствующая идеологическая подготовка советского зрителя: объяснялось, в частности, что современная музыкальная культура Польши не имеет ничего общего с соцреализмом и во многом остается лишь интерпретацией западноевропейских тенденций в искусстве²⁵. Таким образом, и мелодии, изначально не имевшие слов, идеологи по обе стороны границы заставили говорить языком пропаганды.

Представленные идеологические разногласия и противоречия между Польшей и Советским Союзом, имевшие место на рубеже 1920–1930-х гг., были, однако, только одной частью широкого процесса развития культурного сотрудничества – далеко не всегда оно складывалось столь драматично, гораздо больше было в нем и светлых моментов. На счету ВОКС в конечном итоге оказалось множество организованных мероприятий и успешных переговоров как с польскими организациями, так и с частными лицами, интересовавшимися советской культурой и действительностью. Расширение культурного влияния и пропаганда достижений советского искусства в Польше Пилсудского изначально являлись делом неблагодарным, представители ВОКС в своей работе постоянно встречались с многочисленными препятствиями, из которых медлительность бюрократического аппарата была наиболее безобидным. Но все же стремлений своих они не оставляли.

В этих попытках 1920–1930-х гг. расшевелить советско-польское культурное взаимодействие на государственном уровне прослеживается некоторая обреченность, словно заранее заложенная в них самой сутью столкнувшихся друг с другом миров. История, поставив СССР и Польшу по разные стороны этого разлома, так и не дала им возможности оказаться на одной стороне, да и времени у них было слишком мало: все более явно ощущалась неотвратимость мировой войны, нависшая над государствами в конце 1930-х гг. Вопрос, в какой мере две страны смогли понять друг друга, и по сей день остается

²⁵ См., например: *Пишбышевский Б.* Плеяда мастеров. Музыка современной Польши // Советское искусство. 14.11.1933. № 52.

открытым. На протяжении межвоенного периода отношения Второй Речи Посполитой и Советского Союза переживали периоды как подъема (что в основном было связано с пактом о ненападении 1932 г.), так и упадка, когда только общая государственная граница оставалась единственным связующим элементом между ними. Область культуры чутко реагировала на каждое малейшее потепление политического курса – это отражалось в многочисленных мероприятиях ВОКС, организуемых в Польше, в перемене тональности статей в прессе, во все более частых поездках деятелей культуры. Однако огромная, фундаментальная пропасть между двумя идеологиями не могла исчезнуть, несмотря на все усилия функционеров по обе стороны. Она проявлялась – может быть, даже особенно остро – и в мелочах, будь то вырезанные цензурой пара предложений, едкие замечания, брошенные в газетном интервью как бы между делом, или, наконец, бесконечные подозрения, высказываемые сотрудниками ВОКС в кулуарах и служебной переписке. Все это было, к сожалению, свидетельством того, что боязливое опасение политических элит, что их идеологическое господство, добытое столь высокой ценой, может пошатнуться, оказалось сильнее желания расширять культурное сотрудничество.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Маяковский В. В. Пилсудский // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 5. 481 с.

Маяковский В. В. Польша // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 8. 460 с.

Польша в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 952 с.

Пишбышевский Б. Плеяда мастеров. Музыка современной Польши // Советское искусство. 14.11.1933. № 52.

Цат-Мацкевич С. Мысль в клещах // Цат-Мацкевич С. Польская катастрофа 1939 года и ее причины. М.: Издатель Степаненко, 2019. 468 с.

Baryka P. Międzynarodowy zjazd pisarzy proletariackich // Wiadomości Literackie. 14.12.1930. № 50.

Falkowicz S., Czernych M. Polsko-radziecka współpraca kulturalna i naukowa w okresie międzywojennym // Dzieje najnowsze. 1970. № 2. P. 105–123.

- Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem / red. B. Kubisz. Warszawa: Bellona, 2021. 1040 s.
- Słonimski A. Moja podróż do Rosji. Sztuka // Wiadomości Literackie. 17.07.1932. № 30.
- Tonecki Z. Film sowiecki // Wiadomości Literackie. 07.09.1930. № 36.
- Tonecki Z. Teatr Meyerholda // Wiadomości Literackie. 13.03.1932. № 11.
- Zahorska S. "Turksib" // Wiadomości Literackie. 01.06.1930. № 22.

References

- Baryka, P. "Międzynarodowy zjazd pisarzy proletariackich." *Wiadomości Literackie*, 1930, No. 50 (14.12).
- Falkowicz, S., Czernych, M. "Polsko-radziecka współpraca kulturalna i naukowa w okresie międzywojennym." *Dzieje najnowsze*, 1970, No. 2.
- Pol'sha v XX veke: Ocherki politicheskoj istorii*, ed. by A. F. Noskova. Moscow: Indrik, 2012. 952 p.
- Pshibyshevskii, B. "Pleiada masterov. Muzyka sovremennoi Pol'shi." *Sovetskoje iskusstvo*, 1933, No. 52 (14.11).
- Rak, K. *Piłsudski między Stalinem a Hitlerem*, ed. by B. Kubisz. Warszawa: Bellona, 2021, 1040 p.
- Słonimski, A. "Moja podróż do Rosji. Sztuka." *Wiadomości Literackie*, 1932, No. 30 (17.07).
- Tonecki, Z. "Film sowiecki." *Wiadomości Literackie*, 1930, No. 36 (7.09).
- Tonecki, Z. "Teatr Meyerholda." *Wiadomości Literackie*, 1932, No. 11 (13.03).
- Tsat-Matskevich, S. "Mysl' v kleshchakh." Tsat-Matskevich, S. *Pol'skaia katastrofa 1939 goda i jeje prichiny*. Moscow: Izdatel' Stepanenko, 2019, 468 p.
- Zahorska, S. "Turksib." *Wiadomości Literackie*, 1930, No. 22 (1.06).

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.03

T. R. Semakina

Incomprehensible literature, suspicious plays, and omnipotent censorship: On the issue of ideological contradictions in Polish-Soviet cultural contacts at the turn of the 1920s–1930s

Tatiana R. Semakina
PhD student
Lomonosov Moscow State University
119192, Lomonosovsky Prospect, 27-4, Moscow, Russian Federation
E-mail: semakinaaa@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8200-021X

Citation

Semakina T. R. Incomprehensible literature, suspicious plays, and omnipotent censorship: On the issue of ideological contradictions in Polish-Soviet cultural contacts at the turn of the 1920s–1930s // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 381–393 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.03

Received: 01.07.2022.

Abstract

During the interwar period, the role of soft power politics in interstate relations increased, it included the expansion of cultural influence and the promotion of cultural achievements abroad. In the USSR, within the framework of this policy, in 1925, the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries was established. The newly independent Polish state was among the countries with which it was necessary to expand cultural contacts, but there were many factors that hindered the development of this process, although there are many examples of successful interaction. In particular, there were many ideological contradictions between the Soviet Union, which aspired to communism, and where socialist realism was actively developing as a new method in culture and art in the 1930s, and the Second Polish Republic, where J. Piłsudski established an authoritarian regime and where anti-Soviet sentiments were strong. These contradictions manifested themselves in almost all spheres of cultural cooperation: in the field of cinematography, theatrical art, literature, etc. Despite best efforts of All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries, many of them remained unresolved. Based on archival and journalistic sources, this article examines the role of ideological differences in the development of bilateral Polish-Soviet contacts in the field of culture.

Keywords

Polish-Soviet relations, cultural contacts, All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries, cultural diplomacy, soft power policy.